

RU

Функционирование лексемы 'зима' в контексте проблемы эстетических ресурсов языковых единиц

Ван Сяосюй

Аннотация. Целью предпринятого исследования является описание образного потенциала лексемы 'зима'. Научную новизну работы составили результаты изучения функционирования данной лексемы для создания образности текстов поэтических произведений. Проведен анализ семантики слова 'зима' на основе лексикографических источников. Рассмотрена образность этого слова с опорой на методику изучения парадигм образов. В результате выявлены парадигмы, в которых темпоральная лексема выступает в качестве предмета и образа сравнения. Выделено пять моделей, в которых слово 'зима' в позиции левого элемента сближается с существительными, относящимися к понятиям «живой предмет», «ментальное», «экзистенциальное», «стихия», «ткань». Определены четыре модели, в которых анализируемая лексема выступает в качестве правого элемента. Установлены три обратимые парадигмы, характеризующие образные ассоциации слова с точки зрения их устойчивости.

EN

Functioning of the Lexeme 'Зима' ("Winter") in the Context of Aesthetic Resources of Language Units

Wang Xiaoxu

Abstract. The purpose of the research is to describe the figurative potential of the lexeme 'зима' ("winter"). Scientific novelty of the work amounts to the results of studying the functioning of this lexeme in creating the imagery of the texts of poetical works. The semantics of the lexeme 'зима' is analysed on the basis of lexicographic sources. The imagery of this word is examined through the lens of the methodology for studying figurative paradigms. As a result, the paradigms in which the temporal lexeme acts as an object and image of comparison are identified. There are five models in which the word 'зима' in the position of the left component becomes similar to the nouns related to the notions "living object", "mental", "existential", "element", "fabric". There are four models in which the analysed lexeme acts as a right component. There are three reversible paradigms that characterise figurative associations with the word according to their fixedness.

Введение

Исследование эстетики языка и речи составляет одну из перспективных проблем лингвистики. Этому вопросу посвящены работы таких выдающихся лингвистов, как А. А. Потебня [10], В. В. Виноградов [3], Г. О. Винокур [4], Р. О. Якобсон [15]. Во 2-й половине XX – начале XXI века к проблеме эстетических свойств языковых единиц обращались Л. И. Донецких [5], Л. А. Новиков [7], В. К. Харченко [14] и другие ученые. Знакомство с научной литературой показывает, что по этой проблеме нет общепринятой точки зрения. При рассмотрении эстетических потенциалов языковых средств мы придерживаемся концепции Г. А. Хайрутдиновой. По ее мнению, наиболее целесообразным является широкое понимание эстетики языка, ориентированное на метакатегорию «эстетическое». Эстетические возможности языка наиболее ярко проявляются в сфере литературного творчества. Читатель, знакомясь с произведением художественной литературы, получает духовное наслаждение, т.е. испытывает чувственно-рациональное удовольствие. Из всех возможных направлений анализа эстетики языковых элементов мы сосредоточили свое внимание на их участии в формировании художественного образа [13, с. 11].

Объектом нашего исследования является образность лексемы *зима*, используемой в произведениях русских поэтов XX-XXI веков. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью описания образных возможностей языковых единиц, обладающих высокой степенью значимости с точки зрения реализации их эстетических ресурсов. В соответствии с основной целью исследования было необходимо решить следующие

задачи: определить теоретические основы изучения категории образа и образности; проанализировать семантику рассматриваемой лексемы; выявить образные парадигмы слова *зима*, выступающего в позиции предмета и образа сравнения; установить перечень обратимых парадигм. Материалом для изучения послужили поэтические тексты, имеющиеся в «Национальном корпусе русского языка». При проведении исследования применялись различные методы, в первую очередь описательно-аналитический, метод анализа словарных дефиниций, семантико-стилистический, дистрибутивный.

Теоретическую базу данной работы составили труды А. А. Потебни [10], В. В. Виноградова [3], Г. О. Винокура [4], Р. О. Якобсона [15], Л. И. Донецких [5], Л. А. Новикова [7], В. К. Харченко [14], Г. А. Хайрутдиновой [13], посвященные исследованию эстетики языка и эстетических свойств языковых единиц, а также публикации Н. Д. Арутюновой [1], О. И. Блиновой [2], Н. В. Павлович [9], в которых анализируются категории образа и образности.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузовских курсах по лексикологии, стилистике русского языка и лингвокультурологии.

Теоретические основы изучения категорий образа и образности

Следует отметить, что категории образа и образности широко используются во многих областях гуманитарных знаний – в лингвистике, психологии, искусствоведении. Однако эти понятия не имеют однозначной интерпретации. Традиционно образность определяется как свойство языковых единиц, характеризующихся двуплановой семантикой, выраженной через метафорическую внутреннюю форму. Образность наполнена различным содержанием, ядро которого базируется на понятии образа, образного представления [2, с. 6]. Мы согласны с мнением Н. Д. Арутюновой, полагающей, что образ – это категория сознания, а не признак объекта или действительности. В семантической структуре имени образ является переломным моментом между тем, что принадлежит воспринимаемому миру, и тем, что принадлежит воспринимаемому сознанию. Образы формируются восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями. Это в значительной мере механизмы спонтанного, произвольного освоения мира и жизни [1, с. 317, 318].

Интерес представляет также точка зрения Н. В. Павлович, которая рассматривает понятие образа в рамках традиции, условно называемой «поиском прототипа», или инварианта. Инвариант группы образов реализуется в парадигме, состоящей из двух смыслов, возникающих в результате сравнения левого элемента (X) и правого элемента (Y) [9, с. 17]. При анализе функционирования лексемы *зима* мы будем опираться на методику исследования Н. В. Павлович.

Семантика лексемы 'зима'

Своеобразие функционирования рассматриваемой лексемы прежде всего обусловлено ее семантикой. Согласно данным словарей, это существительное имеет только одно значение: 'самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне' [8, с. 229]; 'самое холодное время года, наступающее вслед за осенью и сменяющееся весной' [11, с. 1225]. Изучение стихотворных текстов показало, что существительное *зима* довольно часто употребляется в своем прямом словарном значении. Подтвердим сказанное примером: *Чудо-птицы прилетели / В дни морозные зимы – / Дружной стаей свиристели / В холода к нам прилетели, / В огороды и сады* (С. Кутлина «Свиристели») [6]. Гораздо реже рассматриваемое слово используется для выражения определенного душевного состояния – плохого настроения, негативных эмоций. Например: *Зима на сердце у поэта, / И слышен муз озябших плач, / А ты еще в загаре лета, / У моря, где играли в мяч* (А. Ладинский «Зима на сердце у поэта...») [Там же].

Парадигмы образов

Анализ поэтических примеров показал, что лексема *зима* употребляется в качестве и предмета, и образа сравнения. Обратимся вначале к описанию той части языкового материала, в которой рассматриваемое слово функционирует в качестве предмета сравнения. Как свидетельствуют полученные результаты, лексема *зима* в позиции левого элемента модели используется в следующих парадигмах.

1. Наиболее часто лексическая единица *зима* сочетается со словами, обозначающими живые предметы. При этом в большей части примеров образ сравнения реализуется за счет существительных, входящих в понятие «человек»: *Высокие сосны и ели, / Пушистые шапки ветвей, / Так, может, зима в самом деле / И станет подружкой моей?* (Е. Абрамова «С первым снегом тебя...»); *Зима – красавица сама – / Везде расписывает фрески* (Е. Абрамова «Сегодня выпал первый снег...»); *Пусть зимою, как собака, / Воет вьюга иль пурга, / От зимы студёной блага / Я не жду, как от врага* (Н. Глазков «Пусть зимою, как собака...») [Там же].

Следует также отметить, что образность рассматриваемого слова чаще всего репрезентируется существительными, которые называют лицо женского пола: *матушка, старуха, красавица, царица, барыня, баловница, щеголиха* и др. Например: *Зима – сутулая старуха, / Все вяжет белый шарф, / По улицам ползет то ли тоска, а то ли скука, / И время доставать свой stuff...* (О. Тяпкин. «Зима»); *Осень, в шубу желтую одета, / По лесам*

с метелкою прошлась, / Чтоб вошла рачительной хозяйкой / В смежные лесные терема / **Щеголиха** в белой разлетайке – / Русская румяная **зима!** (Д. Кедрин «Скинуло кафтан зеленый лето...») [Там же]. Так, в последнем из приведенных фрагментов текста образ сравнения представлен существительным женского рода *щеголиха* ('женщина, любящая наряжаться, нарядно одетая, франтиха') [8, с. 904], которое является суффиксальным производным от субстантива *щеголь*. Ассоциация с нарядно одетой женщиной, очевидно, возникает в связи с тем, что зимой нередко бывают такие дни, когда везде лежит белый снег, сверкающий на солнце разноцветными огнями.

Подобное употребление существительных обусловлено своеобразием грамматики русского языка, а именно наличием категории рода и спецификой ее семантики. Как известно, грамматическое значение рода в научной литературе трактуется по-разному. При рассмотрении этого вопроса мы следуем позиции Г. А. Хайрутидиновой. При персонификации неодушевленного субстантива *зима* происходит трансформация его грамматического значения, связанного с указанием на биологический пол живого предмета. Во всех приведенных случаях персонификации слово *зима* приобретает квазиденотативный компонент значения рода. Этому способствует его сближение с одушевленными существительными, имеющими в своем грамматическом значении рода денотативный компонент [12, с. 248].

Кроме того, феминизация неодушевленного слова *зима* обеспечивается также благодаря средствам художественного контекста. Во-первых, используются языковые средства, характеризующие внешний облик женщины: *серьги, полушалочек, шлейф, фартук: Сама Зима с улыбкой колдовской, – / У щек румяных ледяные **серьги**, – / Глядит в окно портновской мастерской...* (Л. Мартынов «Нюрнбургский портной») [6]. Во-вторых, употребляются слова, отражающие характер трудовой (хозяйственной) деятельности, которая свойственна лицам женского пола: *Плотно обложены крыши ватой. / Вяжет слепая зима кружева.* (С. Петров «Плотно обложены крыши ватой...»); *А там зима сидит за прялкой / И сыплет снег из рукава...* (Д. Кедрин «Конь») [Там же]. Известно, например, что слово *прялка* ('приспособление для ручного прядения, приводимое в движение ножной педалью') в старину относилось к тем орудиям трудовой деятельности, которые использовались лицами женского пола [8, с. 629].

Реже встречаются случаи, когда лексема *зима* сближается с одушевленными существительными мужского рода, которые характеризуют человека по признакам, свойственным одновременно лицам обоих полов (человек), либо с гомическими субстантивами мужского рода, обозначающими лицо по профессии, роду занятий и т.п. (*шkipер, бандит*). Приведем текстовый пример: *Зима лютует, / Как будто бы бандит с кастетом, / И снег мой город завербует, / Хоть белый цвет – созвучие эстета...* (О. Тяпкин «Зима лютует») [6].

Незначительная часть примеров представлена фрагментами текстов, в которых рассматриваемое слово входит в сочетание с существительными общего рода типа *злюка*. Например: *Зима заходит злобной злюкой, / трясет седою головой* (С. Петров «Зима заходит злобной злюкой...») [Там же].

Отмечены также случаи, когда слово *зима* сближается с существительными мужского и женского рода, являющимися названиями животных: *О зима, холодный лебедь белый, / Тихий праздник девственных пространств!* (С. Черный «Белая колыбель») [Там же].

2. Во втором типе парадигмы в качестве образа сравнения выступают лексические единицы, относящиеся к семантической зоне «ментальное»: *совесть, виденье, сон, память, кошмар, горе*. Например: *...твоя зима, высокая, как сон / о стройности нездешней...* (В. Набоков «Петербург»); *Так и вся зима проходит, / Как виденье, как кошмар; / Так, чтоб нас развлечь, заводит / Песню пьяный сазандар* (Б. Лившиц «На Мадатов остров странный...») [Там же]. Как видим, в первом из приведенных текстов позицию правого члена модели замещает слово *сон*, имеющее значение 'то, что снится, грезится спящему, сновидение' [8, с. 747].

3. Правый член третьей образной парадигмы реализуется за счет таких лексем, как *юность, лето, неделя, ночь, смерть*, которые входят в понятие «экзистенциальное». Приведем фрагменты поэтических текстов: *Глубока, как ночь, зима, / Снег висит как бахрома* (О. Мандельштам «Музыка твоих шагов...»); *Не навеки душа замуравлена – / Разве зима – смерть?* (М. Кузмин «Разбукетилось небо к вечеру...») [6]. В первом фрагменте поэтического текста образ сравнения формируется благодаря использованию экзистенциальной лексемы *ночь* ('часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром'), во втором – за счет слова *смерть* ('прекращение жизнедеятельности организма, полное прекращение какой-н. деятельности') [8, с. 422, 735].

4. В следующем типе модели существительное *зима* сочетается с лексемами, обозначающими стихии: *пурга, метель, гроза, лавина*. Например: *Однажды в два ночи пришла, / Зима пургою завывала* (В. Бойко «Кудрявая голова»); *Вся зима обрушилась лавиной. / Равнина белая – за белою равниной* (Б. Лившиц «Искушение») [6]. Так, в стихотворении Б. Лившица правый член парадигмы представлен лексемой *лавина*, выражающей значение 'массы снега, снежных глыб, низвергающихся с гор' [8, с. 317].

5. Последняя модель выделена на основе анализа примеров, в которых рассматриваемая лексема намеренно сближается со словами *шуба, брюки, саван*, образующими семантическую зону «ткань». Например: *Поднимается он толстобрюхий / На белёсый блистательный лед, / И зима, разрываясь, как брюки, / Тонет в море, как в рте бутерброд* (Б. Поплавский «Запыленные снегом поля...»); *Навалилась на плечи зима, / Слово шуба столетнего деда* (А. Радченко «Потери») [6]. В первом фрагменте текста образность создается за счет использования существительного *брюки*, реализующего значение 'верхние штаны' [8, с. 61], во втором контексте – благодаря употреблению слова *шуба* ('зимняя верхняя одежда – меховая или на вате, ватине' [Там же, с. 902]).

Обратимся к анализу второй, меньшей по объему, части текстовых примеров, в которых лексема *зима* представлена в качестве образа сравнения.

1. Значительную часть иллюстративного материала объединяет та модель, в которой лексема *зима* сочетается с обозначениями пространства: *мир, дом, Москва, Колыма, Флоренция, туман*. Подтвердим сказанное

примерами, в которых, как и в других фрагментах текстов, сохранена авторская пунктуация: *Прощай Флоренция ты сердце ты зима / На полдороге вниз где пышет та чума...* (О. Юрьев «Я был во Фьезоле»); *Мы, видно, погостим еще / С тоской любви на затемненном свете – / Туман – зима!..* (Г. Петников «Мы, видно, погостим ещё...») [6]. В стихотворении О. Юрьева использовано наименование земного пространства – топоним *Флоренция*, являющийся названием одного из городов Италии. В стихотворном тексте Г. Петникова в качестве предмета образа выступает обозначение небесного пространства, а именно слово *туман*, выражающее значение «непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами или ледяными кристалликами» [8, с. 816].

2. Во втором типе парадигмы субстантив *зима* сближается со словами *женщина*, *теща*, *великан*, *лебедь*, которые относятся к понятию «живой предмет». Приведем фрагменты стихотворных произведений: *Но кого же станет жечь она, / Иссушать, сводить с ума? / Добродетельная женщина / Как бесснежная зима* (К. Левин «Кто, как Лидия Степановна...»); *Она как свет. Она как вздох. / Она почти неощутима... / За нею лебеди, как зимы* (И. Сельвинский «Лебединое озеро») [6]. Например, в стихотворении И. Сельвинского левый элемент парадигмы представлен зоонимом *лебедь* в значении «большая водоплавающая птица семейства утиных с длинной, красиво изогнутой шеей» [8, с. 320].

3. Предмет сравнения в третьей модели репрезентируется за счет лексем, образующих семантическую зону «экзистенциальное»: *лето*, *юность*, *старость*, *будни*. Например: *Эта кроткая юность прошла, как зима, / И короткая старость к глазам подступила* (Н. Шипилов «Вот и смена сезон...»); *Будни прут, как зима на трутней, / и отчаянье вместе с ней / ежечасней и поминутней / искалеченней и тесней* (С. Петров «Ах Ты, Боже мой, друже Боже...») [6]. Как видим, в стихотворении Б. Слуцкого в роли левого компонента парадигмы выступает лексема *будни*, выражающая значение «не праздничные дни» [8, с. 62].

4. В последнем типе парадигмы в качестве левого элемента выступают существительные типа *сомнение*, *остроумие*, которые входят в понятие «ментальное». Обратимся к стихотворным текстам: *Как мхурая зима прошла, / Пройдут сомнения и беды...* (Г. Иванов «Пасха 1916 г.»); *Остроумие вымерло прежде ума / и растаяло, словно зима / с легким звоном сосулук / и колкостью льдинок* (Б. Слуцкий «О смертности юмора») [6]. Так, в первом фрагменте текста использована плюральная форма существительного *сомнение*, имеющего значение «неуверенность в истинности чего-н.» [8, с. 477].

Изучение обеих частей языкового материала показало, что устойчивость (обратимость) обнаруживают три парадигмы образов: «зима → живой предмет», «зима → экзистенциальное» и «зима → ментальное».

Заключение

Исследование особенностей употребления лексемы *зима* в стихотворных текстах XX–XXI веков позволяет сделать следующие выводы. Слово *зима* чаще всего используется в прямом словарном значении «самое холодное время года, следующее за осенью». Круг образных ассоциаций данной лексемы достаточно широк: в качестве левого элемента модели она сближается с существительными, конкретизирующими такие общие понятия, как «живой предмет», «ментальное», «экзистенциальное», «стихия», «ткань». При этом наиболее объемной является та часть языкового материала, в которой рассматриваемое время года ассоциируется с обозначениями живых предметов. В результате анализа образных парадигм, в которых слово *зима* выступает в качестве образа сравнения, выявлены модели, имеющие устойчивый характер. К ним относятся три модели: «зима → живой предмет», «зима → экзистенциальное» и «зима → ментальное».

Перспективы нашего дальнейшего исследования мы видим в анализе темпоральной лексемы *зима* в русских поэтических произведениях XX–XXI веков с точки зрения отражения эстетических категорий.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Блинова О. И., Толстова М. А., Юрина Е. А. Словарь образных единиц сибирского говора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
3. Виноградов В. В. К построению теории поэтического языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 163–177.
4. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. 482 с.
5. Донецких Л. И. Эстетические функции слова. Кишинев: Штиинца, 1982. 154 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 05.03.2021).
7. Новиков Л. А. Единица эстетической коммуникации // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. С. 134–147.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
9. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.

10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М. - Л.: АН СССР, 1995. Т. 4. 1364 с.
12. Хайрутдинова Г. А. Об образно-ассоциативных связях лексемы 'память': в контексте концепции инвариантности образа // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 246-253.
13. Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Казань, 2009. 45 с.
14. Харченко В. К. Эстетика народной приметы // Русский язык в школе. 1997. № 4. С. 75-80.
15. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 272-316.

Информация об авторах | Author information

Ван Сяосюй¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Wang Xiaoxu¹

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

¹ 382814943@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.04.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): эстетические ресурсы языковых единиц; функционирование лексемы 'зима'; поэтические произведения; образный потенциал слова; парадигмы образов; aesthetic resources of language units; functioning of lexeme 'зима'; poetical works; figurative potential of word; figurative paradigms.